

УДК 1 (091)

DOI: 10.34670/AR.2024.93.90.002

Оправдание насилия в философско-правовом учении Владимира Соловьева

Фивейская Людмила Владимировна

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
160002, Российская Федерация, Вологда, ул. Щетинина, 2-а;
e-mail: ludfiv@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается отношение Вл. Соловьева к насилию в социальном и правовом аспектах, раскрываются философские и теологические основы нравственного обоснования правомерности насилия в обществе, анализируются его цели, виды и допустимые границы. Вл. Соловьев не разделяет популярные в его время идеи непротивления злу насилием, он признает необходимость и правомерность насилия в обществе, но, поскольку право в его философско-правовой доктрине имеет формальный и отрицательный характер и само по себе не определяет содержание и цели человеческой деятельности, то насилие как феномен общественной жизни нуждается не только в обосновании своей правомерности, но и в нравственном оправдании. Такое оправдание, показывает Вл. Соловьев, возможно лишь в контексте нравственной трактовки самого права, формирующего в обществе необходимые условия для личного совершенствования и прогресса общества в целом. Правомерное насилие выступает как средство ограничения действительных проявлений зла, представляющих угрозу общественной безопасности, и, таким образом, само по себе неприемлемое в собственной сфере нравственности косвенно служит ее цели – умножению добра в мире. Абсолютными границами насилия Вл. Соловьев полагает жизнь человека как биологического существа – лишение жизни отсекает любую возможность нравственного развития, а также духовную жизнь человека, свободную по определению и не допускающую никакого внешнего принуждения. Идеи Вл. Соловьева, выражающие его отношение к насилию в обществе, в статье анализируются на основе текстов его произведений «Оправдание добра. Нравственная философия», «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики», «Критика отвлеченных начал», «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Материалы статьи представляют интерес для специалистов в области истории философии, философии права, истории правовых и политических учений, теории государства и права, а также могут быть использованы в образовательном процессе.

Для цитирования в научных исследованиях

Фивейская Л.В. Оправдание насилия в философско-правовом учении Владимира Соловьева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 12А. С. 20-27. DOI: 10.34670/AR.2024.93.90.002

Ключевые слова

Владимир Соловьев, философия права, право и нравственность, правовое принуждение, насилие, смертная казнь.

Введение

В философском учении Вл. Соловьева об обществе в целом и в его правовой доктрине есть проблема, которая не выносится им как предмет специального рассмотрения, но с очевидной регулярностью возникает в текстах, в которых так или иначе затрагиваются вопросы права и государства. Речь идет о насилии, его допустимости, правомерности, разумно оправданных границах и формах. Насилие как проблема для Вл. Соловьева имеет не только и даже не столько правовое содержание, но возникает в принципиальном для него сопряжении права, как необходимого условия организации жизни общества, и нравственности, как субстанциальной основы его развития, смысл и цель которого состоит в неуклонном продвижении к абсолютному нравственному идеалу, полагаемому в терминах христианского миропонимания как безусловное Добро. «Оправдывается ли это Добро и по отношению к праву?» [Соловьев, *Оправдание добра*, 1988, 442] – определяющий философско-правовые исследования Вл. Соловьева вопрос, и связан он не с абстрактным пониманием права как «синтеза свободы и равенства» [Соловьев, 1914, 532], а с осознанием принудительного характера осуществления этого синтеза, в котором «право есть исторически-подвижное определение принудительного равновесия между двумя нравственными интересами: формально-нравственным интересом личной свободы и материально-нравственным интересом общего блага» [там же, 547]. Оправдывается ли тогда Добро не только по отношению к праву, но и по отношению к принуждению, насилию?

Рассмотрение вопроса по существу целесообразно предварить еще кратким пояснением, касающимся употребления терминов «принуждение» и «насилие». В современной научной литературе мы находим разнообразную их трактовку: от понятийного отождествления, до крайнего противопоставления [Тарасов, 2019]. В текстах Вл. Соловьева встречаются оба термина, при этом вопрос об их понятийном различии не ставится. Правда, можно заметить, что термин «насилие» чаще употребляется применительно к практике правоприменения, «принуждение» – к характеристике права как такового. Однако это не закономерность, а лишь тенденция, поэтому вполне оправданным здесь представляется синонимическое словоупотребление.

Необходимость и нравственное обоснование насилия

Размышления Вл. Соловьева о насилии встраиваются в его учение о праве в целом, поскольку именно «с понятием права неизбежно связывается неразрывная цепь других понятий: закона, власти, правомерного принуждения, государства» [Соловьев, *Оправдание добра*, 1988, 440]. Однако вопрос о насилии как проблема ставится и решается в более широком контексте соотношения права и нравственности. В нравственной философии Вл. Соловьева насилие как феномен общественной жизни нуждается не только в обосновании своей правомерности, но и в нравственном оправдании. Оппозиция нравственности и права как абсолютного и относительного полюсов в диалектике нравственного прогресса необходимым образом полагает их существенное различие, проявляющееся, в частности, и в том, что нравственность исключает

всякое принуждение, а право его предполагает. Имея в основе своей безусловное нравственное начало – абсолютное Добро, нравственное требование имеет неограниченный характер, коренится глубоко в душе человека как «безусловное стремление к нравственному совершенствованию» и не предписывает в обязательном порядке никаких определенных внешних действий. Напротив, право всегда ограничено, «вместо совершенства оно довольствуется низшею минимальною степенью нравственного состояния, требует лишь фактической задержки известных крайних проявлений злой воли» [Соловьев, 1914, 541], поэтому оно всегда имеет своим предметом объективные отношения и реализует себя через внешние действия. Цель права, по Соловьеву, «обеспеченное осуществление в действительности определенного минимального добра» [там же, 543]. Указанные различия, собственно, и определяют отношение к насилию в этической и правовой сфере. Внутренний характер нравственного совершенствования личности предполагает свободный выбор и не терпит никакого внешнего принуждения – ни физического, ни психологического. Право же задает лишь приемлемый формат, определенный внешний порядок отношений людей в обществе и, приобретая в данных обстоятельствах места и времени форму общепризнанного и обезличенного закона, необходимым образом имеет принудительный характер. Указывая отличительные признаки закона – публичность, конкретность и реальную применимость, Вл. Соловьев подчеркивает, что с последним «всегда связана так называемая «санкция», т. е. угроза принудительными и карательными мерами» [Соловьев, 1989, 550].

На первый взгляд представляется, что право и нравственность абсолютно дистанцированы в вопросе о насилии и не имеют здесь общего содержания: если нравственная жизнь человека исключает всякое принуждение, то принудительность права, тем более прямое насилие в случае нарушения положительного законодательства, не имеет отношения к нравственности и должно быть вынесено за скобки. Вл. Соловьев показывает, что это не так, рассматривая проблему с обеих сторон, как бы становясь на позиции обозначенных в предисловии к «Праву и нравственности» своих оппонентов в известной полемике – Л.Н. Толстого как «безусловного отрицателя всех юридических элементов жизни» и Б.Н. Чичерина, «неизменного защитника права, как абсолютного, себе доверяющего начала» [Соловьев, 1914, 521]. Во-первых, он задается вопросом: «Зачем возводить в закон принудительный минимум нравственности, когда совесть требует свободно исполнять максимум добра?» [там же, 544]. Зачем право, если есть нравственность? Ответ на этот вопрос лежит в плоскости целевой направленности права и его адресата. Нравственное совершенствование человека безусловно основано на личной свободе, но человек не может существовать и развивать себя вне общества, а поэтому личная свобода не должна противоречить общему интересу. Требование личной свободы и общего блага, несмотря на их видимое противостояние, обязательны именно с нравственной точки зрения. «Из их встречи, – пишет Вл. Соловьев, – рождается право» [Соловьев, *Оправдание добра*, 1988, 452]. Вместе с тем не следует смешивать абсолютные нравственные требования и нравственное состояние как конкретного общества, так и отдельных его членов. С нравственной точки зрения общество неоднородно, и юридический закон, по мнению Вл. Соловьева, имеет вполне конкретный адресат: он относится «лишь к тем, кто в состоянии его нарушить» [Соловьев, 1914, 544]. Такие люди в реальном обществе есть всегда, поскольку свобода безусловна и подразумевает не только свободу добра, но и свободу зла. Право с его принудительной силой и предназначено для того, чтобы твердо определить безопасные границы добра, оградить его от злой воли в той мере, в которой она представляет угрозу общественной безопасности. В этом смысле, считает Вл. Соловьев, принудительный закон представляет собой условие

нравственного совершенствования и «требуется самим нравственным началом, хотя и не есть его прямое выражение» [Соловьев, *Оправдание добра*, 1988, 452].

С другой стороны, нуждается ли право в нравственности? Не есть ли оно действительно «себе довлеющее начало», а попытки обоснования и тем более нравственного оправдания правового насилия являются лишь избыточным философским и/или религиозным пафосом? Вл. Соловьев характеризует право как «отрицательное определение свободы» [Соловьев, 1907, 150]. Право и закон как его частное выражение сами по себе не имеют положительного содержания, не сообщают «никакой положительной цели для деятельности, они не указывают, что каждый должен делать, а лишь то, чего никто делать не должен» [там же, 150]. Такое понимание права выводит его целевые причины за пределы самого права, а именно в область нравственности и религии: «Выше правомерного порядка – порядка отрицательных средств – должен стоять положительный порядок, определяемый абсолютной целью» [там же, 152]. В нравственной философии Вл. Соловьева высшая цель всей человеческой (отдельного человека и человечества) жизни есть абсолютное Добро, а значит, положительный смысл любой человеческой деятельности – в продвижении к этой заданной цели. Право поэтому получает свое содержание и оправданные средства постольку, поскольку причастно этому преумножению добра в мире, если не прямым, то опосредованным нравственным прогрессом образом. В общественном измерении право формирует благоприятную среду человеческого общежития, отсекая злокачественные, угрожающие общественному благу формы деятельности и поступки отдельных индивидов. Принудительный характер законов и насильственные способы их реализации оправданы здесь именно объективной направленностью правотворчества и правоохранительной деятельности. Особое внимание Вл. Соловьев уделяет применению насилия в сфере уголовного права. В «Оправдании добра» этому вопросу посвящена специальная глава «Уголовный вопрос с нравственной точки зрения», а в «Праве и нравственности», помимо главы аналогичной тематики (глава третья «Уголовное право. Его генезис. Критика теорий возмездия и устрашения»), в отдельные главы выделены вопросы уголовного правосудия (глава пятая «Принудительное правосудие как нравственная обязанность», глава седьмая «Нормальное уголовное правосудие»). Этот раздел его правового учения заслуживает специального рассмотрения¹. Уголовные правонарушения демонстрируют злостное нарушение охранительных границ, постулируемых правом, поэтому и реакция общества в уголовном наказании приобретает предельный и открыто насильственный характер. Однако и здесь насилие по отношению к преступнику, для Вл. Соловьева, выступает не как самоцель, а как средство его нравственного исцеления.

Виды насилия и его границы

Срединным – между добром и злом – расположением права в порядке мироустройства определены приемлемые виды предусмотренного законом и применяемого государством насилия и положены его границы. Бытующее в мире насилие Вл. Соловьев делит на три вида, которые он смыслодержательно именуется как «зверское», «человеческое» и «дьявольское». К первому он относит преступные насильственные действия по отношению к человеческой

¹Нами ранее была предпринята попытка анализа идеи уголовного наказания в философии Вл. Соловьева. См.: Фивейская Л.В. Пенитенциарная идея в нравственной философии Владимира Соловьева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 6В. С. 211-220.

личности, совершаемые под влиянием низменных животных страстей: сюда он относит убийц, разбойников, деторастлителей. Второй – это собственно область правового и государственного насилия, которое характеризуется как «необходимо допускаемое принудительной организацией общества для ограждения внешних благ жизни» [Соловьев, Оправдание добра, 1988, 456]. Здесь важно, Вл. Соловьев особо это подчеркивает, что допустимое в «человеческом» измерении насилие имеет внешний характер и применимо лишь в области «реально-предметного, или практического, добра», к которому он, прежде всего, относит «защиту жизни и имущества всех от посягательств внешних и внутренних врагов» [там же, 454]. Насильственное вторжение во внутреннюю духовную жизнь человека – третий вид насилия – Вл. Соловьев безоговорочно характеризует как «род насилия, который всецело определяется злом и ложью», а потому «дьявольское» [там же, 456].

Крайние члены этой триады полагают абсолютные границы оправданного насилия. В «Праве и нравственности» Вл. Соловьев ставит вопрос прямо: «Должно ли представлять в человеческой личности какой-нибудь предел для внешнего на нее действия, что-нибудь неприкосновенное и неупраздняемое извне?» [Соловьев, 1914, 583]. И отвечает на него столь же прямо: такой предел есть, и он связан с жизнью человека. Важно, что здесь речь идет не о насилии как таковом, а о мерах государственного насилия: указанный вопрос ставится и решается в контексте размышлений о смертной казни. Жизнь человека – вот абсолютная ценность и абсолютный предел допустимого насилия в обществе. Лишение жизни есть «зверство» не только со стороны отдельной преступной личности, но также и со стороны государства. Вл. Соловьев поэтому всегда был последовательным и бескомпромиссным противником смертной казни, не просто декларируя недопустимость столь бесчеловечной меры наказания, но, как истинный философ, проводя всестороннюю аргументацию с позиций теологических, нравственных и собственно правовых. Рассуждая в «Трех разговорах» о природе зла, Вл. Соловьев подразделяет его на зло индивидуальное, общественное и физическое, последнее он понимает как «крайнее зло, называемое смертью» [Соловьев, Три разговора ..., 1988, 727]. И далее, в духе Екклесиаста, показывает мнимый, иллюзорный характер противостояния злу добра в мире, где смерть непреодолима. Христианство провозглашает победу над смертью и дает человеку надежду на жизнь вечную. Потому любая уступка смерти есть дело «нечестивое». Смертная казнь с теологической точки зрения «есть присвоение человеческой юстицией того абсолютного характера, который может принадлежать только суду Божию» [Соловьев, 1914, 582]. С нравственной позиции смертная казнь бесчеловечна и постыдна: бесчеловечна, поскольку в акте сознательного причинения смерти обесценивается жизнь человека, необратимо прекращается его развитие, отсекается возможность покаяния и нравственного исцеления; постыдна, поскольку применяется к не имеющему возможности противиться человеку бесчужденно и с холодным расчетом. Так, смертная казнь «есть убийство, как такое, абсолютное убийство, то есть принципиальное отрицание коренного нравственного отношения к человеку» [там же, 584]. Наконец, с правовой точки зрения смертная казнь есть отрицание права по существу. Поскольку в концепции Вл. Соловьева право есть инструмент, устанавливающий принудительное равновесие противоположностей в противоречии нравственного интереса личной свободы и общего блага, то устранение одной из сторон этого противоречия нарушает баланс интересов и разрушает правовое отношение как таковое.

Если смерть тела есть нижний предел насилия, то его верхняя граница упирается в автономию человеческого духа. Задача общества, его правовых и политических институтов –

организация такого порядка согласования интересов его членов, который обеспечивает объективные условия нравственного прогресса в истории человечества. Не принудительность, а «прямая объективность задачи» – вот, по мысли Вл. Соловьева, «основное свойство того добра, которое обусловлено правовой общественной организацией» [Соловьев, Оправдание добра, 1988, 455]. Объективный, внешний характер общественного блага влечет и внешний способ его обустройства, в том числе, по необходимости, и насилие как внешний же способ вовлечения людей в систему сбалансированных общественных отношений. Иное внутренняя духовная жизнь человека. Внешнее принуждение неприменимо здесь по самой природе духовного блага, проявляющего себя в двух ипостасях – как добродетель, или «внутреннее расположение нашей воли к добру самому по себе», и истинность, или «внутреннее согласие нашего ума с истиною как такою» [там же, 455]. Всякая попытка насильно извне модерировать внутреннюю предрасположенность человеческого духа к добру и истине логически противоречива и бессмысленна.

Заключение

Обоснование правомерного насилия у Вл. Соловьева, таким образом, имеет двойную природу – политико-правовую и нравственную. С позиции права насилие необходимо, поскольку право не есть абстрактный идеал, но погружено в реальную действительность, а «мир во зле лежит». Охранение общества от разрушительных проявлений зла полагает не только предупреждение, но и решительное отсечение любых проявлений зла такого порядка, и в этом деле, уверен Вл. Соловьев, не обойтись одним убеждением и примером добродетели. Нельзя поэтому в полной мере согласиться с тем, что «единственным средством сопротивления злу Соловьев считает добро, которое в ряде случаев не исключает насилия» [Парсамов, 2022, 102]. Насилие, именно как средство, Вл. Соловьев не относит к добру непосредственным образом – насилие именно потому имеет *правомерный* характер, что источником его является право, не нравственность. Нравственную оценку насилие получает исключительно в его целевой направленности. Правовое, или в терминологии Вл. Соловьева «человеческое», насилие действительно служит утверждению добра в мире. И одним этим оно может быть оправдано.

Библиография

1. Парсамов В.С. Философский диалог в творчестве Жозефа де Местра и Владимира Соловьева («Санкт-Петербургские вечера» и «Три разговора»: опыт сравнительного анализа) // Вопросы философии. 2022. № 5. С. 102-112.
2. Соловьев В.С. Значение государства // Сочинения в 2-х тт. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 549-561.
3. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Собрание сочинений в 9-ти тт. СПб.: Общественная польза, 1907. Т. 2. С. 10-374.
4. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения в 2-х тт. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 47-580.
5. Соловьев В.С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики // Сочинения в 9-ти тт. СПб.: Просвещение, 1914. Т. 8. С. 519-624.
6. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Сочинения в 2-х тт. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 635-762.
7. Тарасов Н.К. «Государственное принуждение» и «насилие»: к вопросу о соотношении понятий // Юридическая наука: традиции и инновации. Великий Новгород, 2019. С. 272-274.
8. van der Zweerde E. Vladimir Solov'yov on Terror, Love & Violence // Responses of Mysticism to Religious Terrorism: Sufism and Beyond. – 2020. – С. 177.
9. Valliere P. Vladimir Soloviev: Faith, philosophy, and law // Law and the Christian Tradition in Modern Russia. – Routledge, 2021. – С. 193-212.

10. Valliere P. Ivan Ilyin: Philosopher of law, force, and faith //Law and the Christian Tradition in Modern Russia. – Routledge, 2021. – C. 306-326.

Justification of violence in the philosophy of law of Vladimir Solovyov

Lyudmila V. Fiveiskaya

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Philosophy and History,
Vologda Institute of Law and Economics FSIN of Russia,
160002, 2-a, Shchetinina str., Vologda, Russian Federation;
e-mail: liudfiv@mail.ru

Abstract

The subject of this article is the problem of violence in the philosophy of law of Vladimir Solovyov. Violence is considered by Solovyov in the context of a moral interpretation of law. According to Solovyov, violence needs not only legal, but also moral justification. Since law in Solovyov's philosophy has a negative character, its ultimate goals lie outside it, in the moral sphere. According to Solovyov, the purpose of law is to ensure a "minimum of goodness" in society. Violence, therefore, is a necessary means of combating the extreme manifestations of evil. The article discusses types of violence and its acceptable boundaries from a moral point of view. Human life is the limit of violence. Soloviev is an opponent of the death penalty, since murder ends a person's moral life. The second limit of violence is the spiritual life of a person. In the realm of the spirit, a person is absolutely free and does not tolerate any coercion. Solovyov's ideas about violence are analyzed on the basis of his works "Justification for goodness. Moral Philosophy" and "Law and morality. Essays on Applied Ethics", "Critique of Abstract Principles", "*Three Conversations on War, Progress and the End of Human History*". This article is of interest to specialists in the field of history of philosophy, philosophy of law, theory of state and law, history of legal and political doctrines, and can also be used in the educational process.

For citation

Fiveiskaya L.V. (2023) Opravdanie nasiliya v filosofsko-pravovom uchenii Vladimira Solov'eva [Justification of violence in the philosophy of law of Vladimir Solovyov]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (12A), pp. 20-27. DOI: 10.34670/AR.2024.93.90.002

Keywords

Vladimir Solovyov, philosophy of law, law and morality, law enforcement, violence, death penalty.

References

1. Parsamov V.S. (2022) Filosofskii dialog v tvorchestve Zhozefa de Mestra i Vladimira Solov'eva («Sankt-Peterburgskie vechera» i «Tri razgovora»: opyt sravnitel'nogo analiza) [Philosophical dialogue in the works of Joseph de Maistre and Vladimir Solovyov ("St. Petersburg Evenings" and "Three Conversations": an experience of comparative analysis)]. *Voprosy filozofii* [Questions of Philosophy], 5, pp. 102-112.

2. Solovyov V.S. (1907) Kritika otvlechennykh nachal [Criticism of abstract principles]. In: *Sobranie sochinenii v 9-ti tt.* [Collected works in 9 volumes]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za Publ. Vol. 2.
3. Solovyov V.S. (1988) Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya [Justification for good. Moral philosophy]. In: *Sochineniya v 2-kh tt.* [Works in 2 vols.]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 1.
4. Solovyov V.S. (1914) Pravo i нравstvennost'. Ocherki iz prikladnoi etiki [Law and morality. Essays on applied ethics]. In: *Sobranie sochinenii v 9-ti tt.* [Collected works in 9 volumes]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za Publ. Vol. 8.
5. Solovyov V.S. (1988) Tri razgovora o voine, progresse i kontse vseмирnoi istorii [Three conversations about war, progress and the end of world history]. In: *Sochineniya v 2-kh tt.* [Works in 2 vols.]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 2.
6. Solovyov V.S. (1989) Znachenie gosudarstva [The importance of the state]. In: *Sochineniya v 2-kh tt. T. 2. Chteniya o bogochelovechestve. Filosofskaya publitsistika* [Works in 2 vols. Vol. 2. Readings about God-manhood. Philosophical journalism]. Moscow: Pravda Publ.
7. Tarasov N.K. (2019) «Gosudarstvennoe prinuzhdenie» i «nasilie»: k voprosu o sootnoshenii ponyatii [“State coercion” and “violence”: on the issue of the relationship between concepts]. In: *Yuridicheskaya nauka: traditsii i innovatsii* [Legal science: traditions and innovations]. Veliky Novgorod.
8. van der Zweerde, E. (2020). Vladimir Solov'yov on Terror, Love & Violence. Responses of Mysticism to Religious Terrorism: Sufism and Beyond, 177.
9. Valliere, P. (2021). Vladimir Soloviev: Faith, philosophy, and law. In *Law and the Christian Tradition in Modern Russia* (pp. 193-212). Routledge.
10. Valliere, P. (2021). Ivan Ilyin: Philosopher of law, force, and faith. In *Law and the Christian Tradition in Modern Russia* (pp. 306-326). Routledge.